

На правах рукописи

УДК 811.161.1+81'1

Ефремов Валерий Анатольевич

**ДИНАМИКА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА:
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
«'МУЖЧИНА' – 'ЖЕНЩИНА'»**

Специальность 10.02.01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург

2010

Работа выполнена на кафедре русского языка государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена».

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Черняк Валентина Данииловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Дидковская Виктория Генриховна

доктор филологических наук
Проскуряков Максим Русланович

доктор филологических наук, профессор
Токарев Григорий Валерьевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Защита состоится 13 мая 2010 г. в 16 часов на заседании совета Д 212.199.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена по адресу: 199053, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 52, ауд. 47.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, корп. 5).

Автореферат разослан 5 апреля 2010 г.

Ученый секретарь совета
доктор филологических наук, профессор

К. П. Сидоренко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию фрагмента русской языковой картины мира (ядерные и периферийные лексические вербализаторы концептов «мужчина» и «женщина») в двух плоскостях: в аспекте функционирования гендерных стереотипов, играющих важную роль для концептуализации представлений о мужчине и женщине, и в аспекте семантико-прагматических, обусловленных динамикой развития языка трансформаций основных номинаций мужчины и женщины.

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, возросшим в современной лингвистике вниманием к когнитивной и этнокультурной составляющим картины мира, с другой стороны, бурным развитием гендерологии. Диссертационное исследование проведено на стыке нескольких лингвистических дисциплин: когнитивной и гендерной лингвистики, лингвистической семантики, лексикологии и лексикографии, психолингвистики и лингвокультурологии. Именно интегральный подход обеспечивает наиболее адекватный ракурс исследования такого сложного по своей природе объекта, как концептуальное пространство «'мужчина' – 'женщина'».

Актуальность исследования обусловлена и обращением к следующим современным проблемам отечественной лингвистики: постоянное и изменяющееся (константы и трансформации) в семантике лексических единиц, универсальное и идиоэтническое в языковой картине мира, гендерная составляющая языковой картины мира, взаимовлияние когнитивного и лингвистического в концептосфере языка.

Научная новизна диссертационного исследования связана с тремя основными аспектами. Во-первых, несмотря на наличие лингвистических исследований, в той или иной степени посвященных анализу концептов «мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира, обобщающих работ, связанных с описанием и структурированием этого фрагмента концептосферы, нет. Большое количество исследований, проведенных в русле гендерной лингвистики, зачастую обращено лишь к детальному описанию тех или иных вербализованных гендерных стереотипов и асимметрий, гендерных метафор и проявлений андроцентризма русского языка, но не к анализу лингвистической и когнитивной природы названных концептов.

Во-вторых, в диссертации новое наполнение получает понятие, определяющее специфический тип организации знания, – **концептуальное пространство** как сложно структурированный объект, состоящий из двух частей, каждая из которых формируется по соотносимым векторам концептуализации. Еще в 70-е гг. XX в. Ю. Д. Апресян писал о специфической семантической природе лексем со значением пола, которые не укладываются в рамки классических представлений об антонимии. Введение данного понятия позволяет по-новому взглянуть как на особую когнитивную природу некоторых «сгустков знаний», так и на осложненные гипо-гиперонимией антонимические,

предопределенные особым устройством фрагментов действительности, отношения в системе языка.

В-третьих, в работе впервые выявлена особая значимость для концептуализации представлений о мужчине и женщине гендерных стереотипов, играющих важную роль как в истории развития языковой картины мира, так и в становлении языкового сознания человека. В мировоззрении индивида и общества разнообразные гендерные стереотипы, асимметрии и другие гендерно окрашенные элементы человеческого сознания оказывают значительное влияние на способ членения действительности, в связи с чем изучение языковой картины мира в гендерной парадигме приобретает особую актуальность.

В качестве базовой исследовательской **гипотезы** выдвигается положение о том, что основные динамические процессы русского языка, обусловленные разнообразными социокультурными причинами, в достаточной мере могут быть описаны через динамику лексической вербализации концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'».

Объект исследования – ядро фрагмента языковой картины мира, вербализующего концепты «мужчина» и «женщина», а именно номинации, связанные с полом и – отчасти – возрастом человека (*девушка, баба, мужик, пацан* и др.), то есть те лексемы, ядерные семы значений которых указывают на половую принадлежность человека.

Следует отметить, что за пределами рассмотрения в диссертации, кроме особо оговоренных случаев, оказались следующие группы вербализаторов периферийной части концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'»: а) сверхсловные и перифрастические номинации типа *представитель сильного пола* или *дочь Евы*; б) идиоматические единицы типа *мужик в юбке, маменькин сынок* или *базарная баба*; в) номинации, обозначающие брачный статус человека, типа *вдова, холостяк* или *старая дева*.

Цель исследования – анализ ядра фрагмента русской языковой картины мира «'мужчина' – 'женщина'» с точки зрения динамики (прежде всего в XIX – начале XXI вв.) его лексической составляющей (константы и трансформации). Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) определение понятия «концептуальное пространство» и его места среди других рядоположенных когнитивных и лингвистических единиц;

2) описание ядерных и периферийных единиц лексической системы русского языка, характеризующих мужчину и женщину в целом (вне социальной, этнической, профессиональной, конфессиональной или иной принадлежности), в разные периоды существования русского языка;

3) описание динамики лексического состава анализируемого фрагмента языковой картины мира на протяжении XIX – начала XXI вв.; выявление лексических, стилистических и прагматических трансформаций вербализаторов концептуального пространства;

4) исследование форм экспликации гендерных стереотипов в русской лексикографической практике;

5) выявление гендерных стереотипов, структурирующих концепты «мужчина» и «женщина», в истории русского языка (в филогенезе) и в становлении языковой личности (в онтогенезе);

6) реконструкция специфики концептуализации и вербализации представлений о мужчине и женщине в общем жаргоне русского языка;

7) экспликация этнолингвистической составляющей концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'» в русской языковой картине мира.

Таким образом, в диссертационном исследовании не только реконструируется отдельный культурно значимый фрагмент русской языковой картины мира (концептуальное пространство «'мужчина' – 'женщина'»), но и анализируются те изменения, которые претерпевают в ходе развития языка (и общества) ядерные и периферийные компоненты данного участка концептосферы.

Материалом исследования послужили: 1) широкий круг лексикографических источников разных типов (толковые, исторические, идеографические, словообразовательные, диалектные и др. словари; всего – более 70 наименований); 2) художественные и публицистические тексты XVIII – начала XXI вв. (прежде всего, база Национального корпуса русского языка); 3) данные ассоциативных словарей и экспериментов.

В качестве базовых **методов исследования** использованы: историко-этимологический анализ, контекстуальный и интерпретационный анализ, метод семантических трансформаций, дефиниционный и компонентный анализ, концептуальный анализ, сплошная выборка из лексикографических источников, сопоставительный анализ лексикографических изданий, методы количественного анализа.

Теоретическая значимость работы связана с многоаспектностью исследования, а также с особым осмыслением понятия «концептуальное пространство», с описанием его структуры и способов репрезентации в лексической системе языка.

Важное теоретическое значение для дальнейших исследований в области исторической семантики русского языка имеет сама процедура анализа семантико-прагматической судьбы единиц языка для «выхода» в когнитивное пространство его концептосферы.

Работа вносит вклад в решение ряда вопросов когнитивной науки (гипо-гиперонимическая структура концепта, соотношение концепта и гендерного стереотипа как основы концептуализации, соотношение слова и концепта) и гендерной лингвистики (экспликация гендерных стереотипов, динамика гендерных концептов, гендерные асимметрии и словообразование).

Теоретическое значение имеет реализованное в работе совмещение гендерного и когнитивного анализа для исследования определенных фрагментов концептосферы языка.

В диссертационном исследовании продемонстрирована методология лингвистической экспликации гендерных стереотипов в языковом материале различного типа: от лексикографических изданий до художественных текстов.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для описания гендерно маркированных лексических единиц при лексикографировании, в переводческой деятельности, в практике преподавания русского языка в аспекте межкультурной коммуникации и лингвокультурологии, а также широкого круга дисциплин лингвистического и общегуманитарного профиля.

Материалы исследования могут стать основой для отдельных разделов учебных пособий по дисциплинам «Когнитивная лингвистика», «Гендерная лингвистика», «Историческая лексикология», «Психолингвистика», «Лингвокультурология».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Концептуальное пространство – специфический тип когнитивной единицы, представляющий собой симметрично структурированные самостоятельные концепты, находящиеся друг с другом в контрадикторной оппозиции, но вместе с тем через комплементарные отношения образующие в сознании носителя и концептосфере языка определенную целостность.

2. В диахроническом аспекте ядерные вербализаторы концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'» имеют симметричные векторы развития и проходят сходные этапы семантико-прагматической эволюции.

3. В качестве первоначального мотивирующего признака основных номинаций мужчины и женщины в русском языке послужили гендерные стереотипы патриархального сознания, отражающие социальную иерархию и социальные роли членов патриархального общества.

4. Значимую роль в концептуализации представлений о мужчине и женщине в языковой картине мира играют гендерные стереотипы.

5. Концептуализация гендерной составляющей картины мира и базовых представлений о мужчине и женщине в сознании ребенка определяется освоением вербализованных гендерных стереотипов, часть из которых восходит к патриархальному мировидению.

6. Гендерные стереотипы регулярно эксплицируются в лексикографической практике: это связано с описанием наивной языковой картины мира или со словарной традицией. В некоторых случаях актуализация гендерных стереотипов приводит к появлению в словарях гендерно нетолерантных дефиниций, речений, цитат.

7. Архетипические концепты, как и гендерные стереотипы, в субстандартной лексике имеют особые способы вербализации, отражающие специфическую, характерную для определенных субкультур концептуализацию представлений о мужчине и женщине.

8. Основные трансформации языка отражаются на судьбе вербализаторов базовых концептов. Динамические процессы, имевшие место в русском языке и связанные с трансформациями русской концептосферы, в достаточно полной мере могут быть описаны через динамику концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'».

Апробация работы осуществлялась в виде докладов и сообщений на 32 научных конференциях и симпозиумах различных уровней, в том числе 11 всероссийских: в Екатеринбурге (2003), Новосибирске (2007), Череповце (2007), Санкт-Петербурге (2002-2009) – и 13 международных: в Екатеринбурге (2001, 2002), Санкт-Петербурге (2001, 2008), Таллине (2007, 2008), Нарве (2008), Минске (2008, 2009 (дважды), Москве (2001, 2008, 2010).

Часть материалов и выводов диссертационного исследования внедрена в учебный процесс в виде авторского курса «Основы гендерной лингвистики» для студентов магистратуры филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена.

Основные положения и результаты исследования изложены в 44 публикациях (общим объемом 45 печатных листов), включающих монографию (11,5 п. л.), учебно-методическое пособие (7,5 п. л.), разделы и главы учебников, учебных пособий и справочников для высшей школы, а также 8 статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК: «Известия РГПУ им. А. И. Герцена», «Мир русского слова», «Русская речь», «Русская словесность», «Русский язык в школе» и «Сибирский филологический журнал».

Объем и структура работы. Диссертационное исследование объемом 406 стр. состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей в себя 450 наименований, в том числе 35 – на иностранных языках.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается обоснование выбора темы, актуальности и научной новизны исследования, формулируются цель и задачи работы, описываются материал и методы исследования, его теоретическая и практическая значимость, приводятся положения, выносимые на защиту, и данные об апробации работы.

Отечественная лингвистика имеет достаточно разработанную теоретическую базу изучения такого лингвоментального объекта, как концепт. Для диссертационного исследования методологически важными были два исходных положения: во-первых, представление концепта как полевой структуры, которую можно описать в терминах ядра и периферии (Е. Rosch, Е. В. Рахилина, З. Д. Попова, И. А. Стернин и мн. др.), и, во-вторых, концепция двухъярусной модели репрезентации человека в языке: метагендерный (общечеловеческий) и гендерный (маскулинный и феминный) уровни (А. В. Кирилина, С. А. Коновалова, В. В. Макаров и др.). Таким образом, анализируемое концептуальное пространство «'мужчина' – 'женщина'», с одной стороны, является важнейшей составляющей суперконцепта «человек», с другой стороны, само включает в себя ряд субконцептов («девушка», «юноша», «пацан» и др.). Подобный

методологический ракурс соответствует современному философскому осмыслению природы концепта, представленному, например, в работах французских постструктуралистов (Делёз, Гваттари 1998).

Сам выбор для исследования концептов «мужчина» и «женщина» обусловлен представлением о том, что они относятся к разряду архетипических (для человеческого сознания) и ключевых (для культуры) ментальных единиц. Усиливающийся в современной русистике интерес к проблеме концептуального анализа и к исследованиям отдельных фрагментов русской концептосферы до сих пор не был в полной мере обращен к названным базовым концептам. Несмотря на обилие работ, посвященных актуальным для современной науки гендерным проблемам (андроцентризм и сексизм языка, языковые гендерные асимметрии, коннотация маскулинных и феминных образов в языковой картине мира), собственно концепты «мужчина» и «женщина» изучены фрагментарно.

Так, частично, в связи с иными исследовательскими задачами, лингвистическое воплощение в русском фольклоре образа женщины (и лишь отчасти – мужчины) было проанализировано в работах: Телия 1996, Кирилина 1999, Малишевская 1999, Муратова 2002, Георгиева 2005, Коваль 2005, Коновалова 2005, Эмирова 2005, Вишнякова 2005, 2006.

Психолингвистическому исследованию концепта «женщина» в русском языковом сознании посвящена кандидатская диссертация Л. В. Адониной (2007). При этом в большинстве случаев внимание к концепту «женщина» определяется сопоставительным аспектом исследования, прежде всего английского и русского языков: Артемова 2000, Семенова 2006, Калугина 2008, Соловьева 2008, Эфендиева 2004 и др., а также иных языков в сопоставлении с русским: Лейвен-Турновцова 2001, Аминова и Махмутова 2003, Дзасежева 2006, Бадмаева 2008 и Досимова 2008.

Как самостоятельный предмет анализа концепт «мужчина» рассматривался лишь в психолингвистическом исследовании Е. Е. Сапоговой (2005), основная цель которого не столько реконструкция концепта, сколько «психологическая интерпретация мужской концептосферы».

Изучению трансформаций тех или иных участков русской концептосферы в диахроническом аспекте посвящены работы: Зинковская 2006, Иванова 2006, Крючкова 2009, Терина 2007, Чернова 2004. Среди разнообразных факторов, влияющих на диахронические изменения концепта, можно выделить следующие: изменения системы социальных отношений, ослабление или усиление влияния тех или иных философских и религиозных парадигм, изменение языковой моды и множество других.

Первая глава, **«Концептуальное пространство «'мужчина' – 'женщина'» и его вербализаторы»**, посвящена, с одной стороны, описанию теоретических оснований исследования, с другой стороны, анализу ядерных номинаций мужчины и женщины в истории русского языка.

Несмотря на существующие различия между подходами к интерпретации концепта (собственно лингвистический, психолингвистический,

лингвокогнитивный, лингвофилософский, лингвокультурологический, лингвоконцептологический), можно утверждать, что концепт – это гетерогенное ментальное образование, не имеющее фиксированной структуры и единственного способа репрезентации и выполняющее ряд функций:

- 1) представлять знания о действительности;
- 2) служить базой для создания и переработки новых знаний;
- 3) аккумулировать знания о фрагментах действительности;
- 4) отражать содержательные единицы коллективного сознания;
- 5) структурировать фрагменты концептосферы и языковой картины мира;
- 6) воплощать элементы культуры в сознании индивида.

Философы-постструктуралисты обращают внимание и на такую важную характеристику концепта, как его взаимообусловленность другими концептами, структурирующими его изнутри и снаружи.

Окружающий мир, постоянно изменяясь и влияя на человеческое сознание, требует от него быстрого реагирования и трансформации полученных ранее знаний; следовательно, основная единица передачи и хранения такого знания – концепт – тоже должна быть достаточно гибкой и подвижной. Таким образом, концепт предстает как динамическая система, которая получает многообразные и многочисленные вербальные воплощения. Более того, если концепты не являются однородными сущностями (реалии, которые они отражают, не одинаковы по своей природе), то закономерно предположить наличие разнообразных форм существования этих «квантов нежестко структурированного знания» (Е. С. Кубрякова).

Одним из важнейших типов концептуальной структуризации следует признать контрадикторные отношения, определяемые в классической логике как отношения «между противоречивыми понятиями, которые вместе не могут быть ни истинными, ни ложными; из двух контрадикторных понятий одно и только одно истинно, а другое непременно ложно» (Кондаков 1975).

Для когнитивной лингвистики и описания разнообразных семантических взаимоотношений в системе языка анализ контрадикторных отношений может стать весьма продуктивным. Так, например, будучи самостоятельными, концепты «мужчина» и «женщина» в любом естественном языке вступают в комплементарные отношения, создавая в сознании его носителя некую целостность, которая определяется тем, что актуализация одного из концептов неминуемо предполагает актуализацию второго. Такой тип структурирования концептов назван в диссертации *концептуальным пространством*.

Наличие такого рода когнитивной структуры подтверждается и психолингвистическими исследованиями. Так, результаты ассоциативных экспериментов убедительно доказывают, что лексемы *мужчина* и *женщина* в языковом сознании связаны теснейшим образом. По данным «Русского ассоциативного словаря», оба слова являются самой частотной и значительно превышающей иные ответы реакцией друг на друга: *мужчина* → *женщина* (13%) и *женщина* → *мужчина* (16%). Языковое сознание респондентов

регулярно актуализирует и такие реакции, как *и женщина* (на стимул *мужчина* пятая по частотности реакция; 2%), *и мужчина* (на стимул *женщина*; 1%).

Концептуальное пространство включает в себя не только сам концептуальный бинომ, но и элементы других концептов: например, концептуальное пространство «'мужчина' – 'женщина'» имеет зоны пересечения с концептами «семья», «возраст» и рядом других. Важное отличие концептуального пространства от других типов объединения концептов – «симметричная» структурированность: векторы концептуализации его частей во многом параллельны. Так, и для концепта «мужчина», и для концепта «женщина» значимыми являются такие когнитивные признаки, как возраст, семейное положение, физические и интеллектуальные данные, социальные и гендерные роли. В качестве примера других концептуальных пространств можно назвать следующие: «'истина' – 'ложь'», «'жизнь' – 'смерть'», «'свой' – 'чужой'» и иные. Следует отметить, что подобного рода биномы некоторые исследователи (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е. В. Рахилина, Е. В. Урысон и др.) относят к базовым оппозициям языковой картины мира.

Вводимое понятие *концептуальное пространство* соотносено в диссертационном исследовании с такими понятиями, как *ментальные пространства* (концепция Ж. Фоконье и М. Тернера) и *фрейм* (М. Минский).

Концептуальное пространство является фрагментом концептосферы языка, следовательно, обращено к картине мира. Обобщая многочисленные исследования природы и сущности картины мира, можно выделить две плоскости ее описания: содержательную и формальную, которые вступают в сложные диалектические взаимоотношения друг с другом и содержат диалектические противоречия внутри себя.

К содержательным свойствам картины мира относят: наличие элементов человеческой субъективности, деятельностный характер, антропоморфность (например, идея концептуального воплощения (*conceptual embodiment*) человеческого сознания, выдвинутая Дж. Лакоффом и М. Джонсоном), интерпретативность, облигаторность, внутренняя достоверность для субъекта, единство стабильности и изменчивости.

Среди наиболее важных формальных свойств картины мира можно выделить следующие: мозаичность и одновременная целостность, лакунарность, лабильность, непрерывность становления, наглядность и образность, системность.

Исследование концептов и концептуальных пространств позволяет с наибольшей полнотой эксплицировать диалектический характер картины мира и ее отношения с языком: только динамическая природа концепта может обеспечивать постоянное уточнение того или иного фрагмента действительности при наличии некоей матрицы, которая формируется в человеческом сознании еще в детстве. Эта матрица постоянно корректируется, дополняется, уточняется по мере накопления опыта и знаний конкретным индивидом (онтогенетический аспект) и социумом (филогенетический аспект).

Осознавая дискуссионность вопроса и наличие в современной лингвистике разных точек зрения на его решение, можно утверждать, что картина мира воплощается в двух тесно связанных, но не идентичных друг другу плоскостях: концептуальной и языковой. Под концептуальной картиной мира понимаем представление о действительности, сформировавшееся в результате непосредственного познания мира и включающее в себя как знание об окружающей действительности, так и совокупность разного рода когнитивных и поведенческих (в том числе гендерных) стереотипов, которые обуславливают осознание тех или иных явлений действительности.

Языковая картина мира – это результат объективации концептуальной картины мира в языке, также существующий в двух плоскостях: как часть лингвоментального пространства народа и как часть ментального мира конкретного индивида. Языковая картина мира не равна концептуальной: вербализируется не все содержание ментального мира, а лишь коммуникативно и культурно значимые для индивида и/или народа ментальные единицы.

При этом концептуальная картина мира изменяется гораздо быстрее языковой: она отражает результаты постоянной познавательной и социальной деятельности человека. Одновременно некоторые фрагменты языковой картины мира дольше сохраняют архетипические, «реликтовые» представления о мироздании. К области этих реликтовых представлений и относится большинство гендерных стереотипов, генезис и существование которых обусловлены древнейшими пластами человеческого сознания.

Сама оппозиция *мужчина/женщина* базируется на архетипическом биноме ‘мужское – женское’, который в древней картине мира был не только отражением биологических различий, но и семиотическим выражением целого ряда социальных оппозиций: экзогамии, дифференциации хозяйственных ролей и профессий, религиозно-ритуальных сфер внутри семьи и в коллективе, гендерной закреплённости ритуалов.

Именно с архаичным, свойственным андроцентричной, патриархатной картине мира представлением о женщине как источнике греха и зла связан, например, гендерно стереотипизированный и прагматически маркированный образ *бабы* в ее различных концептуализациях. По данным этнографических исследований, это слово весьма активно использовалось во многих славянских языках в качестве обозначения не только знахарки или ведьмы, но и любого злого женского духа вообще, а также номинации таких «аномальных» явлений действительности, как непогода или болезнь (новг. *бабушка*, твер. *бабуха* ‘оспа’). Так через номинацию «отрицательных» денотатов в языковой картине мира древнего человека эксплицируется гендерная составляющая его мировоззрения и стереотипизированное отношение к женщине как девиации.

Один из наиболее продуктивных способов реконструкции концептосферы языка – анализ лексикографических источников: чем шире по лексическому охвату и протяженнее по историческому периоду оказывается привлеченная совокупность словарей, тем точнее можно исследовать специфику

трансформаций не только тех или иных лексем или лексических пластов, но и того или иного фрагмента концептосферы, ими представленного.

Комплексный анализ массива лексикографических источников позволяет не только проследить исторические пути изменения семантики отдельных слов (например, *барышня, дама, девушка, муж, парень*), но и способы появления/утраты тех или иных значений в процессе взаимодействия литературного языка с другими стратами (например, семантические метаморфозы лексем *девка, мадемуазель, мужик, пацан*).

Особое внимание при исследовании ядерных вербализаторов того или иного концепта следует уделить внутренней форме номинации как первичному мотивирующему признаку. Для того чтобы ментальные, не всегда вербализованные единицы (представления, понятия, образы и т.д.) стали фактами языковой системы, в процессе номинации они должны быть переструктурированы в соответствии с теми формами и правилами, которые характерны для системы данного языка. Именно поэтому один и тот же фрагмент действительности может получить несколько названий (вербализаторов): разные внутренние формы закрепляют разные ракурсы «видения» одного и того же обозначаемого объекта. Развивая идею представления самого понятия ‘концепт’ как зародыша (лат. *conceptum* ‘утробный плод’), внутреннюю форму слова, давшего имя концепту, можно интерпретировать как некий сгусток информации, залог дальнейшего семантического и прагматического потенциала развития слова.

Отталкиваясь от внутренней формы корня слова, номинирующего концепт, сквозь призму сложных изменений в семантике и прагматике тех или иных лексем легче выявить постоянное (константы) и меняющееся (трансформации) в концептуальном пространстве «'мужчина' – 'женщина'» русской языковой картины мира.

Кроме историко-этимологического анализа номинаций, для реконструкции концепта необходимо использовать и классический лексико-семантический анализ: ядерные вербализаторы концепта образуют синонимический ряд, следовательно, анализ синонимов, особенно однокоренных, позволяет точнее эксплицировать пути концептуализации представлений об их общем денотате. Результаты исследования доказывают, что анализ семантических и прагматических трансформаций внутри синонимических рядов, вербализующих концептуальный бином, выявляет общие механизмы и пути развития концептов в истории картины мира.

Концепты «мужчина» и «женщина» как архетипические для человеческого сознания относятся к разряду универсальных, представленных в любом языке, так как характеризуют фундаментальное биологическое, психологическое и социальное разделение людей по полу. Вместе с тем эти базовые «кванты знания» имеют разные принципы лексической вербализации в системах разных лингвокультур. Так, универсальной характеристикой представителя того или иного пола будет указание на его возраст (*мальчик, юноша, парень, старик* и т.д.).

Однако степень семантической дифференциации возрастных групп и ее связь с другими социокультурными параметрами в разных языках и даже в разные периоды истории одного языка может значительно различаться (см., например, первоначальные значения слов *отрок* ‘тот, кому отказано в праве говорить’ → ‘слуга; раб’ и *парубок* ‘мальчик-слуга’; диалектные значения слов *малец* ‘юноша’, *детина* ‘(холостой) молодой человек’ и др.). Более того, сам список слов, обозначающих мужчин и женщин, с ходом времени претерпевает неизбежные изменения, что особенно заметно на примере близких к исследуемой группе лексики терминов родства. Так, в связи с разрушением в русском обществе патриархального института многопоколенных семей и семейно-общинного уклада жизни в разряд агнонимов перешли такие лексемы, как *стрый* ‘дядя по матери’, *мизинец* ‘младший сын’, *братан* ‘двоюродный брат’ и многие другие.

В ходе анализа семантических и прагматических трансформаций лексем, обозначающих мужчину, женщину, юношу и девушку, в истории русского языка XVIII – начала XXI вв., был получен ряд результатов, подтверждающих гипотезу о влиянии социокультурных изменений в картине мира на эволюцию ядерных вербализаторов архетипичных концептов.

Так, данные этимологических исследований доказывают, что внутренние формы основных вербализаторов концептов «мужчина» и «женщина» содержат в себе древние гендерные стереотипы:

- общеславянский корень **mǫž-* (*муж-*) восходит др.-инд. *manis* ‘человек, муж’. Этимологический анализ эксплицирует андроцентризм индоевропейских языков и один из базовых гендерных стереотипов архаичной картины мира: человек – это только мужчина;

- общеславянский корень **žen-* (*жен-*), обозначающий лицо женского пола детородного возраста, восходит к и.-е. **gēn-*, глубинная семантика которого связана с идеей рода и его продолжения: лат. *genus* – ‘просхождение’, ‘род’; греч. *γυνή* – ‘жена’, *γυνήα* – ‘рождение’; ‘род’. При этом затемнение внутренней формы в современном языке не свидетельствует о ее забвении: этимологическое значение, даже утраченное сознанием носителя языка, продолжает играть роль направляющего фактора развития семантики лексической единицы;

- почти все основные номинации юноши, существовавшие в истории русского языка (*юноша* – *детина* – *малой* – *малец* – *парень* – *хлопец* – *парубок* – *пацан*), первоначально обозначали ребенка как недееспособного, бесправного члена общества. В такой внутренней форме отражена древняя социальная иерархия и гендерная стереотипизация молодого и/или холостого человека как неполноценного индивида. При этом все названные слова, кроме *юноша*, первоначально были маркированы как стилистически сниженные, то есть как существующие на периферии языка, – в этом также можно видеть проявление социальной стереотипизации;

- общеславянский корень **dev-* (*дев-*), родственный ст.-слав. *детя*, восходит к и.-е. **dhe(i)* ‘сосать; кормить грудью’. По утверждению

О. Н. Трубачева, первоначальное значение корня *дев-* – ‘кормящая (грудью)’. Формирующий обширный синонимический ряд, обозначающий молодую незамужнюю женщину, этот этимон также содержит во внутренней форме гендерный стереотип: значение *дева* как ‘не вступившая в брак’ – это более поздний лексико-семантический вариант, развившийся из первоначального значения ‘могущая стать матерью; готовая к материнству’.

Подробный лексикографический анализ толковых словарей русского языка XVIII – XXI вв., а также данных Национального корпуса русского языка позволил выявить и описать эволюцию и диахроническую иерархию ядерных лексем, вербализующих представление о мужчине (*муж – мужчина – мужик*), женщине (*жена – женщина – баба – дама*), юноше (*юноша – детина – парень – хлопец – парубок – юнец – пацан*) и девушке (*дева – девица – девка – девушка – барышня – дивчина – мадемуазель*).

Отражение социокультурных изменений и появление новых, связанных с ними социальных и гендерных стереотипов проиллюстрировано в диссертации рядом семантических и прагматических трансформаций ядерных вербализаторов концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'».

Так, в диахроническом аспекте семантико-прагматическая судьба базовых номинаций мужчины и женщины имеет легко обнаруживающиеся симметричные векторы развития: например, образование вторичного значения ‘супруг(а)’ у лексем с первоначальным родовым значением ‘мужчина’ (*муж*) и ‘женщина’ (*жена*); появление у слов, внутренняя форма которых обозначает не полностью дееспособного члена общества, значения ‘слуга’ (*мальчик, девушка, девка*) или пейоративной окраски (*мужик, девка, малой*).

Уже в ранний период формирования русской языковой картины мира концептуализация мужчины, помимо противопоставления женщине, содержала еще два облигаторных когнитивных признака. Первый – указание на возраст и связанную с ним оппозицию дееспособности/недееспособности мужчины (*мужь vs мальць, отрокъ, старьць* и т.п.). Второй – обозначение социального статуса через противопоставление свободный человек vs люди низших социальных классов (*мужь vs рабъ, слоуга* и т.д.). И если первая оппозиция связана с семантической универсалией: нельзя назвать человека по полу, не актуализировав семантический компонент ‘возраст’, то вторая, просуществовавшая в эксплицитном виде до начала XX в., обусловлена социальной иерархией русского общества: *муж (человек) – раб; муж (человек) – слуга; господин – мужик; барин – мужик* (последняя характерна для языковой картины мира XVIII – XIX вв.).

С оппозицией, отражающей социальное устройство патриархального общества, связана и судьба слова *мужик*, диминутивный (с этимологической точки зрения) характер которого исторически объясняется тем, что людей, более низких в правовом отношении, обозначали как несовершеннолетних. Этот диминутивный характер номинации предопределил и прагматические трансформации слова: в XVIII – XIX вв. в речи представителей верхних социальных слоев у слова появляется пейоративная коннотация.

Однако в современном языке под влиянием очередного витка вульгаризации слово утрачивает отрицательную оценочность. В литературных произведениях, художественных фильмах, речи образованных людей все чаще слово *мужик* используется либо в нейтральном контексте, либо с положительной коннотацией (ср. клишированные «настоящий мужик», «стоящий мужик»). Более того, в современной картине мира лингвокультурологический типаж мужик зачастую становится эталоном истинной мужественности: «Ирина вдруг увидела в нем массу достоинств: немногословный, честный, трудяга, а главное – *мужик*. Мужская сила – в глазах, в развороте плеч и в верности, как это ни странно» (В. Токарева. Своя правда).

Показательна для иллюстрации гипотезы диссертационного исследования и эволюция слова *пацан*, которое, появившись в 20-е гг. XX в., прошло следующий путь: уголовный жаргон → просторечие → разговорная речь. Стилистические и семантические трансформации этой лексемы напрямую связаны с социокультурными изменениями русской языковой картины мира.

В качестве примера влияния на динамику вербализации исследуемых концептов такого фактора, как языковая мода, можно привести семантическое калькирование словом *девка* в середине XIX в. значения ‘проститутка’, возникшего под влиянием французской лексемы *fille* (первоначально ‘дочь’, ‘девушка’, затем коллоквиализм для обозначения проститутки).

Кроме идиоэтнических особенностей концептуализации представлений о мужчине и женщине в языковой картине мира, анализ вербализаторов одноименных концептов позволяет выявить ряд продуктивных семантических переносов, характерных для европейских языков в целом. Например, внутренняя деривация лексемы *муж* (‘мужчина’ → ‘супруг’) характерна не только для славянских, но и для германских и романских языков: значение ‘супруг’ всегда производно и появляется у лексем, обозначающих мужчину *per se*. Аналогичный метонимический перенос обнаруживается в русской диалектной картине мира и в просторечии, в которых муж может обозначаться такими словами, как *мужик*, *мужчина* или *хозяин*.

Проведенный лексикографический анализ и анализ словоупотреблений ядерных вербализаторов концептов «мужчина» и «женщина» в русской словесности XVIII – XXI вв. позволяет утверждать, что основные социокультурные изменения приводят к неизбежным трансформациям языковой картины мира и облигаторно отражаются на вербализаторах архетипических единиц. Так, военные и экономические контакты Московского государства с Великим княжеством Литовским (затем Речью Посполитой) в XVI в. приводят к появлению под влиянием польского номинаций *мужчина* и *женщина*; заимствованные в XVIII в. галлицизмы *дама* и *мадемуазель* в середине XIX в. претерпевают семантические и прагматические трансформации в связи с демократизацией языка и утратой моды на французский. Попытки введения в русский язык украинизмов *парубок* и *дивчина* как следствие появления в начале XIX в. малороссийски ориентированного направления русской литературы, несмотря на фиксацию

в словарях и определенную степень рецепции словесностью, не смогли изменить внутренних законов развития языка: эти слова так и остались этнографизмами.

Однако гендерные стереотипы могут быть эксплицированы не только в языковой картине мира и языке, но и в результатах метаязыковой деятельности лексикографов. Более того, гендерные стереотипы (как старые, характерные для патриархатного сознания, так и новые, появившиеся в последнее время) встречаются в словарях разных типов, в разных зонах словарной статьи и имплицированы в них разными способами.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько форм существования гендерных стереотипов в современных лексикографических источниках:

1) дефиниции вербализаторов могут содержать архаичные гендерные стереотипы, которые с точки зрения современной картины мира характеризуются как гендерно нетолерантные: «Женщина. Лицо, противоположное мужчине по полу; та, которая становится матерью, рождает детей и кормит их грудью» (РСС);

2) наличие в толковых словарях пометы *Жен. к*, сопровождающей номинации профессий, рода деятельности, чинов (ср. Писательница *Жен. к* писатель; Морячка. 1. *Жен. к* моряк (2 зн.) (БТСРЯ, МАС), также нетолерантно с точки зрения современной феминистской критики языка: таким образом якобы подчеркивается вторичный характер номинации, денотатом которой является женщина;

3) наиболее часто гендерные стереотипы патриархатного сознания получают отражение в иллюстративной зоне статей. Например, речения на слово *пол*, приводимые большинством русских толковых словарей, суть не что иное, как четкая вербальная фиксация древнейших стереотипов: *Прекрасный, нежный пол* (о женщинах). *Сильный пол* (о мужчинах). *Слабый пол* (о женщинах). Иногда иллюстрация может эксплицировать не только употребление гендерно окрашенного слова, но и своего рода метаязыковые знания о нем и связанных с ним стереотипах: «Баба. 4. *Разг. презр.* О слабом, нерешительном мужчине, мальчике. [Паратов:] *Если мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобрести ум человеческий.* А. Островский, Бесприданница» (МАС);

4) выбор в качестве иллюстративного материала к словам, обозначающим положительные черты человека, цитат из художественных текстов, в которых в качестве носителя этих черт предстает исключительно мужчина, также можно рассматривать как проявление андроцентризма: «Мудрый. 1. Одаренный большим умом и обладающий знанием жизни, опытом. *Мудрый человек. Мудрый полководец. Актер, дающий жизнь во всем ее неизмеримом разнообразии, – не потешник и скоморох, а мудрый художник, знающий, сильный и нужный всем.* Южин-Сумбатов, О Щепкине» (МАС). Отметим, что иллюстративные зоны прилагательных, описывающих внешность человека, содержат преимущественно женские образы;

5) фиксация новых гендерных стереотипов, появление которых связано с трансформациями социокультурной действительности (взаимоотношение полов, новые формы выражения сексуальности, новые маскулинные и феминные практики и т.д.), привела к появлению таких слов и реалий, как, например, калькированное заимствование «Секс-бомба. *Шутл.* О женщине, подчеркивающей в своей внешности чувственную страсть, вызывающей сильное чувственное влечение» (БТСРЯ).

Трансляция в толковых словарях некоторых гендерных стереотипов имеет вековую историю. Так, В. И. Даль впервые фиксирует базовый стереотип описания женщины и мужчины не как взаимодополняющих, а как противоположных понятий: «*Женщина.* Лицо женского пола, противополож. *мужчина*». Эта дефиниция противопоставления до сих пор активно используется в русской лексикографии, хотя более толерантным выглядит, например, 'лицо женского пола, способное к деторождению'.

Итак, следуя той или иной традиции в толковании базовых, ключевых слов культуры и языковой картины мира, лексикографы не всегда ощущают гендерные стереотипы, которые «просвечивают» сквозь определения, данные предшественниками и отразившими картину мира иного по гендернороловой структуре общества. Глубинные причины сохранения подобных гендерных стереотипов – это, во-первых, несовпадение между когнитивной и языковой картинами мира и, во-вторых, сама диалектическая природа соотношения постоянного и изменяющегося в языке, его констант и трансформаций.

Вторая глава исследования, **«Концептуальное пространство «'мужчина' – 'женщина'»: психолингвистический аспект»**, посвящена анализу концептуального пространства в языковом сознании носителя русского языка, а также этнолингвистической специфике представлений о мужчине и женщине в русской картине мира. На данном этапе исследования через систематизацию различных подходов в отечественной и иностранной лингвистике раскрывается специфика природы концептуализации и гендерных стереотипов, а также формулируется важная для всего диссертационного исследования идея о значимости гендерных стереотипов для формирования в сознании человека гендерных концептов.

Концептуализацию можно представить, с одной стороны, как процесс структурирования знаний, в ходе которого выделяются относительно простые концептуальные составляющие общего представления об объекте, а также взаимосвязи между этими составляющими; а с другой стороны, как динамичный процесс усложнения ментального мира человека за счет «наращивания» сложности вновь образуемых элементов, которые дополнительно выстраиваются в комплексные иерархические единицы.

Пути исследования концептуализации зависят от природы и структуры самого концепта: знания, образующие концептуальную систему человека, имеют различные источники формирования, и это обуславливает разнообразие типов, структур и содержания концептов. В качестве строительного материала, первооснов формирования сложных когнитивных единиц называют разные

когнитивные элементы: от когнитивных признаков (З. Д. Попова, И. А. Стернин и их школа) до прототипов (А. Вежбицкая) и образов-схем (Дж. Лакофф).

В качестве исходных для концептуализации сложных ментальных единиц могут служить и такие элементы ментального мира, как стереотипы, которые можно представить в качестве особого вида ментальных репрезентаций широко распространенных мнений, получивших статус знания и потому закрепившихся в языке. Кроме того, стереотип – это результат особой формы концептуализации, сопровождающейся переживаниями и оценкой, следовательно, имеющей аксиологическую природу. Причем в случае с гендерно маркированными когнитивными единицами типа концептов «мужчина» и «женщина» роль когнитивной первоосновы выполняют именно гендерные стереотипы – упрощающие и обобщающие эмоционально окрашенные суждения о «типичных» носителях того или иного гендера. При этом гендерный стереотип не совпадает с идеальным представлением о том или ином элементе действительности (прототипом) и отражает специфику как концептуальной системы, так и языковой картины мира.

Стереотипы как единицы человеческого сознания имеют несколько функций: когнитивную, аффективную, социальную, интегративную, функцию экономии, прагматическую, протекционную. С точки зрения анализа динамики когнитивной и языковой картин мира наибольший интерес представляет последняя: стереотипы способствуют сохранению традиционной для данного социума системы мировоззрения.

Гендерные стереотипы как частный случай стереотипии выполняют все перечисленные функции: так, у стереотипа *«все мужики – сволочи»* обнаруживается когнитивная функция (генерализованное представление о всех мужчинах как об отрицательных и потенциально опасных людях), аффективная (гендерное разграничение (эксплицитно) мужского как отрицательного и (имплицитно) женского как положительного), социальная (разграничение и противопоставление мира мужчин и женщин), интегративная (объединение женщин перед лицом мужчин как чужого социума), прагматическая (ср. разный прагматический эффект использования этой фразы во внутри- и межгендерной коммуникации), протекционная (сохранение элемента мировоззрения женщин).

Отечественные психологи выделяют несколько групп гендерных стереотипов, которые для демонстрации их гетерогенной (социальной, психологической и языковой) природы можно проиллюстрировать лингвистическими примерами:

1) стереотипы маскулинности/феминности о соматических, психических, поведенческих свойствах (*все блондинки глупы; все мужики бабники; седина в бороду – бес в ребро* и др.);

2) стереотипы распределения семейных ролей (*муж – глава семьи; и баба смекает, что люльку качает* и т.д.);

3) стереотипы, определяющие специфику гендерной дифференциации труда (*не женское это дело; работа для настоящего мужика* и т.п.).

Гендерная стереотипизация отражает культурно обусловленные оценки и репрезентируется на разных уровнях языка, следовательно, гендерные стереотипы, определяющие содержание концептов «мужчина» и «женщина» в той или иной лингвокультурной общности, могут быть исследованы и через языковые структуры.

Наиболее полно исследование гендерных стереотипов в языковом сознании можно провести с помощью разнообразных психолингвистических методов. Так, наличие в результатах ассоциативных экспериментов жестких амбивалентных связей между словами *мужчина* и *женщина* свидетельствует, с одной стороны, об их концептуальной близости и тесной когнитивной связи, с другой стороны, о наличии в языковом сознании целостной структуры, определяемой как концептуальное пространство «'мужчина' – 'женщина'».

Эксплицировать наиболее характерные гендерные стереотипы, формирующие концептуальное пространство «'мужчина' – 'женщина'», можно через сопоставление данных ассоциативных экспериментов с результатами социологических, психологических и этнографических исследований. Основным материалом анализа послужили статьи «Русского ассоциативного словаря» и результаты мультикультурного исследования американских психологов Дж. Уильямса и Д. Бест, направленного на выявление универсальных гендерных стереотипов.

Базовыми для концептуализации образа мужчины в русском языковом сознании становятся следующие стереотипы:

– Сила: ассоциаты с этой ядерной семьей – самые частотные на стимул «мужчина» (12% всех ответов). Этот стереотип отражает одну из основных линий маскулинизации индивида, называемую «нормой физической твердости» (the physical toughness norm), согласно которой мужчина должен обладать физической силой и высокой биологической активностью;

– Мужественность – второй по значимости маскулинный стереотип (4%). Представление о мужчине как эталоне мужского начала отражает особенности концептуализации именно языковой картины мира: ни мальчик, ни парень, ни старик не могут выступать в роли образца мужественности, хотя и относятся к лицам мужского пола;

– Возраст (9%). Типичный русский мужчина, как и во многих других культурах, – человек среднего возраста. Этот вектор концептуализации соотносится с таким важным направлением маскулинизации личности, как «взрослость»: в патриархатном и современном обществах мужчина, с одной стороны, противопоставлен ребенку, с другой стороны – становится полноценным членом общества только в период зрелости;

– Социальные роли (3%): муж, отец и воин. Такой набор вполне отражает архетипические представления о социальных и гендерных ролях мужчины традиционного общества, а также гендерные стереотипы, согласно которым настоящим мужчиной становится только семейный человек и воин;

– Настоящий человек (4%). Самостоятельный вектор концептуализации эксплицируют следующие ассоциаты: *настоящий человек* (9), *мужик* (6), *он* (5),

самец (4), – вариации древнейшего стереотипа человеческого сознания о центральном статусе мужчины и проявление андроцентризма языка – отождествление понятий ‘человек’ и ‘мужчина’ (ср. англ. *men*, нем. *Mann*, фр. *homme*, укр. *чоловік* и т.д.).

Если сложить все реакции ассоциативного поля «мужчина», которые выражают универсальные гендерные маскулинные стереотипы, то суммарная доля ответов составит 32%, что свидетельствует о важной роли стереотипов в формировании одноименного концепта.

При этом среди реакций на стимул «мужчина» содержатся не только гендерные стереотипы, но и элементы идеального образа мужчины (идеал как разновидность прототипа, по Дж. Лакоффу), которые легко группируются по следующим критериям параметризации: *культурный типаж, внешняя привлекательность, интеллектуальные способности, этический компонент, характер*. Доля ассоциатов, эксплицирующих прототипические черты идеального мужчины, составляет 21%.

Важным доказательством наличия в языковом сознании целостного концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'» становится тот факт, что вышеприведенные стереотипы имеют симметричные аналоги в структурировании концепта «женщина»:

– Красота: *красивая* – это самая частотная синтагматическая реакция (12%) на слово *женщина*. Этот стереотип не зависит от возраста лица женского пола: в «Словаре ассоциативных норм русского языка» на стимул *девочка* ассоциация *красивая* занимает третье, а в «Русском ассоциативном словаре» – четвертое место. Суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, – 23%;

– Женственность (1%). Как и в случае с концептуализацией представлений о мужчине, именно женщина, а не девушка, девочка или баба воплощает традиционное представление о женском начале, о совокупности ее отличительных качеств;

– Социальный статус (10%). Главная роль женщины эксплицируется одной из самых частотных реакций – *мать* (7%), которая вместе с другими реакциями (*с ребенком, мама, ребенок* и мн. др.) формирует основной вектор концептуализации образа женщины в языковом сознании русского человека. Вторая социальная роль – *жена* (2%). Ассоциативный словарь позволяет увидеть формирование нового, появившегося в языковом сознании русского человека постсоветской эпохи гендерного стереотипа: *деловая* (5) – это единственное упоминание о какой-либо иной социальной функции женщины, кроме жены и матери. Низкая доля (0,9%) реакции объясняется, во-первых, консервативной природой гендерных стереотипов (они крайне медленно меняются), во-вторых, временем создания базы «Русского ассоциативного словаря» (конец 80-х – 90-е гг. XX в.);

– Возраст (6%). Численный перевес в два раза реакций с семантическим компонентом ‘молодого возраста’ свидетельствует о том, что, в отличие

от концепта «мужчина», для концепта «женщина» молодость играет более важную роль;

– Физические данные (1,5%): физическая слабость женщины – один из самых распространенных стереотипов разных лингвокультур. Параметр слабости легко метафоризируется и позволяет формировать гендерные стереотипы, связанные с моральной, духовной, сексуальной и иными сферами жизни женщины. Стереотип симметричен архетипическому представлению о мужчине как сильном человеке;

– Объект сексуального интереса (3%). Подобного рода ответы выявляют (с разной степенью оценочности: от *обнаженная* до *потаскуха*) самый сексистский гендерный феминный стереотип – «женщина как источник сексуального удовольствия мужчины».

Суммарная доля всех реакций ассоциативного поля «женщина», выражающих гендерные стереотипы, – 45%, что свидетельствует о преобладающей роли этих ментальных единиц в формировании концепта «женщина». Более того, в концептуализации образа женщины гендерные стереотипы играют большую роль, чем в концептуализации образа мужчины.

Ассоциативное поле «женщина», как и поле «мужчина», содержит в себе, помимо гендерных стереотипов, прототипические черты идеала. Они группируются по тем же признакам: *идеал, эталонная внешность, позитивно-оценочные признаки, этический компонент, высокие интеллектуальные способности*. Суммарная доля ответов, эксплицирующих прототипические черты идеала женщины, – 7%.

Итак, ассоциативные эксперименты убедительно демонстрируют наличие в языковом сознании гендерных стереотипов, участвующих в формировании целостного концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'». Ассоциативный эксперимент, являясь одним из эффективных методов исследования и реконструкции концепта, позволяет эксплицировать основные векторы, пути формирования концепта как в языковой картине мира того или иного народа, так и в сознании отдельного индивида.

Одновременно бурное развитие онтолингвистики и возрастной психологии позволяет исследовать вопрос формирования концептов «мужчина» и «женщина» в онтогенезе. Концептуализация в детском сознании представлений о маскулинности и феминности происходит поэтапно в результате разнонаправленного формирования практических знаний о гендере. К школьному возрасту в результате воздействия информационного и нормативного социальных давлений у ребенка начинают формироваться разнообразные поведенческие и социальные стереотипы, из которых особый интерес представляют гендерные – как вербализованные, так и невербализованные. В сознании ребенка они служат, во-первых, своего рода векторами концептуализации, формирования концептов «мужчина» и «женщина» и, во-вторых, основой представлений о мужском и женском поведении, о мужских и женских социальных ролях, о маскулинности

и феминности в целом – обо всем том, что связано с областью гендерной стратификации общества.

Более того, с точки зрения современной психолингвистики сами индивидуальные стратегии освоения языка и речевой коммуникации в онтогенезе также базируются на поведенческих стереотипах, которые во многом передаются ребенку через язык, что убедительно доказывается результатами ассоциативных экспериментов с детьми от шести до девяти лет (работы пермской психолингвистической школы).

Основным материалом для данного этапа исследования послужили словари А. Д. Палкина «Возрастная психолингвистика: Толковый словарь русского языка глазами детей» (М., 2004) и В. К. Харченко «Словарь современного детского языка» (М., 2005), не имеющие отношения к гендерной проблематике и решающие принципиально иные задачи. Данные этих словарей позволяют эксплицировать особенности функционирования гендерных стереотипов в порождаемых ребенком высказываниях и рассуждениях.

Гендерные стереотипы языкового сознания ребенка проявляются, например, в толкованиях таких ядерных вербализаторов исследуемого концептуального пространства, как *мужчина* и *женщина*, и тесно связанных с ними в детской картине мира слов *муж* и *жена*. Так, на задание определить слово *мужчина* более половины (52%) школьников 11-12 лет, участвовавших в эксперименте, дают ответы типа «*Взрослый человек мужского пола*» или «*Человек мужского рода, уже не мальчик*». Несмотря на то что степень конкретизации у разных детей варьируется, ответы отражают вполне сформировавшиеся гендерные стереотипы: «*Сильный, гордый человек, и справедливый, мужского рода*» эксплицирует те стереотипизированные качества мужчины, которые являются универсальными для картины мира любой культуры. Иными словами, в сознании ребенка предпубертатного возраста образ мужчины уже неотделим от обязательных атрибутов, основные из которых – сила, гордость и справедливость.

Другое проявление рецепции детским сознанием гендерного стереотипа мужчины как исключительно сильного человека можно обнаружить в рассуждениях мальчиков о сугубо «мужском» труде, транслирующих такой важный компонент гендеризации личности, как социальная и профессиональная роли. Как правило, для мальчика это профессии, требующие особых физических навыков, подготовки и выносливости (космонавт, летчик, милиционер, пожарник и т.п.); особенно часто в рассуждениях детей о мужчинах актуализируются лексемы, относящиеся к лексико-семантическим полям «Война» и «Вооруженные силы».

Важнейшим гендерным стереотипом, определяющим образ мужчины как в языковой картине мира, так и в сознании ребенка, становится противопоставление мужчины мальчику. Кстати, современные философские гендерные исследования показывают, что мужественность выстраивается через стратегию трех апофатических доказательств: чтобы стать (и называться) мужчиной, надо противопоставлять себя миру женского, детского

и гомосексуального. В некоторых толкованиях детьми слова *мужчина* этот стереотип присутствует неявно (9% ответов) и эксплицируется через актуализацию ключевого семантического компонента 'взрослый' («*Это человек мужского пола, только он уже взрослый*»). В ряде случаев (12%) дефиниция содержит эксплицитное противопоставление: «*Человек мужского пола, уже не мальчик*», «*Взрослый мальчик после 18 лет*» и даже «*Мальчик после полового акта*» и «*Человек после брачной ночи*» (следствие смешения научной и вульгарного варианта наивной картины мира).

Эксплицируется в толкованиях детьми слова *мужчина* и гендерный стереотип о его облигаторном семейном статусе: от лапидарной дефиниции «*Муж*» до развернутого определения «*Человек мужского пола, может быть, имеющий семью*».

Однако гендерные стереотипы языкового сознания, концептуализирующие представления о мужчинах и женщинах, выявляются не только в толковании гендерно маркированных слов, но и в детских дефинициях гендерно нейтральных для взрослого языкового сознания лексем. Так, прилагательное «высокий» ребенок определяет: «*Это, например, мужчина, столб*». Данная контекстуализация – пример экспликации глубинного гендерного стереотипа о мужчине как о высоком и сильном человеке.

Абстрактные понятия, выражающие аксиологическую шкалу мировоззрения ребенка, также могут определяться через гендерные стереотипы. Показательны два схожих определения слова «добро»: «*Это то, что сделал для бедной старушки, например, помог перейти дорогу*» и «*Это то, что вот, например, ты идешь по какому-нибудь переулку, и видишь старую бабушку, и возьмешь у нее сумки, и сможешь донести до дома*». Данные толкования обнаруживают классический пример гендерного стереотипа физической слабости женщины, помноженной на немощность возраста.

В некоторых рассуждениях детей уже среднего школьного возраста можно найти примеры неосознанно транслируемого языкового сексизма: «стыд» – «*Это когда, например, жена не умеет готовить*». Можно утверждать, что это анонимное толкование принадлежит мальчику, который с детства «усвоил» главное патриархатное распределение гендерных и семейных ролей.

Итак, проведенный анализ взятых из словарей детской речи суждений и высказываний, позволяет подтвердить выдвинутую в начале исследования гипотезу о том, что концептуализация представлений о мужчинах и женщинах в сознании ребенка опирается в первую очередь на гендерные стереотипы. Более того, эти стереотипы связаны не только с вербализаторами концептов «мужчина» и «женщина» и представлениями о маскулинном и феминном, но и с важными для формирующейся аксиологической системы будущего члена общества абстрактными понятиями.

Концептуальная картина мира, существующая в сознании определенного языкового коллектива, отличается национально-культурной спецификой,

так как отражает конкретный исторический опыт народа, его особые культурные традиции и условия жизни. Вместе с тем в процессе самостоятельной познавательной деятельности в сознании человека возникает и концептуальная картина мира как субъективное отражение действительности, которое определенным образом «корректируется» языком.

Несмотря на архетипичность и кажущееся сходство концептуализации понятий 'мужчина' и 'женщина' в разных лингвистических картинах мира, языковое сознание русского человека концептуализирует идеи маскулинности и феминности особым, специфическим образом. Универсальность концептов – это сугубо научная модель, в определенной мере методологическое допущение (той же степени приближенности, что и идея национального лингвоконцепта, кстати). Глубокое и детальное сопоставление внешне идентичных фрагментов концептосфер, вербализованных в разных языках, неминуемо приводит к идее о том, что в каждом языке (герср. в коллективном языковом сознании) некоему гипотетическому универсальному концепту соответствует особый национально-специфический образ этого концепта. Однако и этот, национальный концепт есть лишь научная модель, своего рода прототип концептов, действительно существующих в конкретном языковом сознании.

Лексикографический анализ русских и иностранных толковых и этимологических словарей, а также данные Национального корпуса русского языка позволяют эксплицировать некоторые этнолингвистические особенности концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'».

(1) Внутренняя форма слова определяет специфику картины мира, в том числе русского языкового «видения» мужчины и женщины: например, в отличие от представителей ряда европейских лингвокультур, в которых ядерные вербализаторы концепта «женщина» этимологически достаточно прозрачны (ср. фр. *(ma)dame*), современным носителям русского языка происхождение вербализаторов данного концепта уже неясно.

При наличии общих закономерностей семантической эволюции лексем анализируемой части языковой картины мира в европейских языках (переходы 'мужчина' → 'супруг', 'девушка' → 'служанка'), на синхронном срезе выявляются существенные различия: например, три концептуально близких понятия 'человек', 'мужчина' и 'муж' в русском языке выражают три лексемы, а не две, как в других языках (наблюдение Анны А. Зализняк).

(2) Русская языковая картина мира характеризуется особым соотношением суперконцепта «человек» с субконцептами «мужчина» и «женщина». По данным «Славянского ассоциативного словаря», в ядре языкового сознания (30 наиболее частотных слов) русских, в отличие от белорусов, болгар и украинцев, слова *мужчина* и *женщина* отсутствуют. В качестве гипотезы, требующей дополнительных исследований, можно предположить, что причина такого «невнимания» к ядерным вербализаторам исследуемого пространства кроется в том, что образ человека для русского языкового сознания менее гендерно обусловлен, нежели в языковых картинах родственных славянских языков.

(3) Особая характеристика русской языковой картины мира – это наличие своего рода дублетности основных вербализаторов: ядро концептов «мужчина» и «женщина» репрезентируется в русском языке XX в. парами *мужчина* – *мужик* и *женщина* – *баба*. Особого внимания в аспекте истории номинаций мужчины и женщины в русской картине мира заслуживает употребление лексем *мужик* и *баба*, референты которых можно отнести к разряду русских лингвокультурных типажей.

В современном языке обнаруживается интересная гендерная асимметрия: даже в речи носителей элитарного типа речевой культуры номинация *мужик* все чаще используется не с отрицательной коннотацией, как это было характерно для традиционной русской языковой картины мира (если речь шла не о крестьянах), а безоценочно, как синоним слова *мужчина*.

Анализ контекстов словоупотреблений и прагматических трансформаций вербализаторов *мужик* и *баба* доказывает, что в XX в. в языковой картине мира происходило снижение образа бабы как грубого, относящегося к реалиям деревенской или мещанской реальности, а образ мужика приобрел два ценностных компонента: один – аналогичный оценке бабы, а другой (в определенных контекстах, например, при автономии) – мелиоративный.

(4) Этнолингвистическая специфика концептуализации представлений о мужчине и женщине выявляется и в диахроническом ракурсе: в исторической перспективе (XVIII – первая половины XIX в.) структура ядерных вербализаторов анализируемого фрагмента концептосферы выглядит иначе: *господин* (первоначально *барин*) – *мужик* (первоначально *крестьянин*) и *дама* – *баба*. Ср. репрезентацию этих оппозиций в паремиях из словаря В. И. Даля: *Барин за барина, мужик за мужика; По бабе и брага, по боярыне и говядина; Неволя холопу, а воля господину; Каков барин, таков и крестьянин*.

Каждый концепт имеет собственную историю (появление, трансформации, исчезновение), следовательно, вполне закономерна ситуация, при которой какие-то элементы концептуального пространства уходят на периферию или исчезают, а какие-то выходят на первый план или становятся ядерными. Однако в ходе истории и развития культуры пары *господин* – *мужик* и *дама* – *баба* претерпели неодинаковые семантические трансформации. В первом биноме слово *господин* было вытеснено словом *мужчина* и приобрело идеологически отрицательную коннотацию (ср.: «*Господа* все в Париже!»), а лексема *мужик* – эмоционально-пейоративную окраску. Одновременно слово *дама* не было окончательно заменено родовым понятием *женщина*, оставшись в функции обращения и (в виде дериватов) в клишированных словосочетаниях типа «дамское белье», «дамские перчатки».

(5) Более подробная, чем, например, в английском или французском языках, возрастная градация представителей разных полов – важная особенность русской картины мира. Наличие плохо дефинируемых различий таких синонимических рядов, как *девочка*, *девушка*, *девица*, *девица* и др. и *мальчик*, *парень*, *парнишка*, *пацан*, *юноша* и др., свидетельствует об особой важности возрастной характеристики для традиционного русского менталитета

(проявление так называемого закона номинативной плотности). Большая детализация представлений о возрасте зафиксирована в русском языке в виде большего числа возрастных номинаций в сравнении с количеством аналогичных лексем в германских и романских языках (Крючкова 2003, Литвиненко 2006, Марзук 2008).

Вместе с тем современная пятичастная русская модель возраста (детство, отрочество, молодость, зрелость и старость) не совпадает с традиционной, которая существовала еще в XIX в. и засвидетельствована словарем В. И. Даля: *утробный, младенческий, детский, отроческий, юношеский, возмужалый, мужеский, середовой, нетяглый, старческий, дряхлый*. Наличие столь дробной и во многом условной шкалы членения человеческой жизни, принятой в патриархальной русской картине мира, во многом и предопределило те семантические трансформации, которые претерпели ядерные вербализаторы концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'».

(6) Особая черта русского концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'» – это возможность использования номинаций родственных связей в качестве вербализаторов анализируемых концептов: в ряде случаев (стилистически маркированные этикетные формулы, детская речь и некоторые другие) мужчина может быть назван *дядя, дед, дедушка, отец*, а женщина – *бабка, бабуля, тетя, тетка* и т.п.

Давление просторечия и территориальных диалектов на современный кодифицированный язык особенно остро обнаруживается в области речевого этикета и номинации незнакомых лиц. Обращения типа *мать, отец, бабуля* и аналогичные им, несвойственные коммуникативному поведению XIX в., все активнее используются в обиходной речи. При такого рода употреблении номинативное значение лексемы редуцируется до прототипического 'человек такого-то пола такого-то возраста' – подобный процесс семантического выхолащивания весьма характерен для просторечия.

(7) Этноспецифика языка представлена и в его фразеологическом фонде: русская фразеология (шире – фольклор) отражает гендерные особенности русского мировидения. Так, высокая степень андроцентризма русской картины мира проявляется в общей отрицательной оценке женщины (*Баба с возу – кобыле легче; Солдат не генерал, курица не птица, баба не человек; У бабы волос долог, да ум короток* и мн. др.).

Фразеология подчеркивает и различное отношение к отклонениям от социальных норм в мужском и женском поведении. В патриархальном обществе социальный статус мужчины выше статуса женщины – процесс номинации мужчины через женские образы содержит отрицательную оценку, ведет к вербальной демаскулинизации (ср.: о мужчине *красная девица, умная Маша*). Одновременно номинации женщины «мужскими» лексемами, как правило, хвалебны и оцениваются положительно (ср.: одобрительно о женщине *свой парень, мужик в юбке*).

Аксиология мужского и женского мира в зеркале русской идиоматики асимметрична в количественном и качественном отношениях. «Маскулинные»

фразеологизмы (те, в которых упоминаются мужские онимы, реалии мужской сферы крестьянского труда и быта) могут характеризовать мужчину как с положительной, так и с отрицательной сторон. Практически все «феминные» фразеологизмы оценивают женщину исключительно в негативном ракурсе.

Итак, в языковой картине мира современного русского человека в том виде, в каком она репрезентирована в лексикографических источниках и в повседневном словоупотреблении, концептуальное пространство «'мужчина' – 'женщина'», несмотря на свою архетипическую природу, имеет ярко выраженную этнолингвистическую специфику.

Третья глава, «**Трансформации русской языковой картины мира и концептуальное пространство «'мужчина' – 'женщина'»**», посвящена исследованию судьбы ядерных и периферийных номинаций мужчины и женщины в русской языковой картине мира конца XX – начала XXI вв.

Взаимовлияние когнитивного и языкового в современной картине мира можно рассмотреть через ряд социолингвистических трансформаций:

(1) Жаргонизация языка и мышления проявляется, например, в актуализации таких периферийных вербализаторов концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'», как *братан, пацан, бабаня, папаша* т.п., которые в последние десятилетия потеснили в лексиконе современника номинации типа *молодой человек, старуха* и аналогичные им. Эту же тенденцию отражает и появление новых форм мужских имен и соответствующих обращений (хотя пока еще в стилистически сниженных регистрах) типа *Вован, Колян, Толян*.

(2) Американизация русской языковой картины мира может быть проиллюстрирована двумя актуальными процессами. С одной стороны, это появление таких неологизмов, как *мачо, супермен, бизнес-леди, секс-бомба, женщина-вамп* и др., которые являются не столько заимствованными словами или элементами чужой культуры, сколько своеобразными трансляторами новых для когнитивной картины мира типов маскулинного и феминного поведения.

С другой стороны, западный стиль жизни активно изменяет и правила коммуникации и взаимоотношений между членами общества. Демократизация этикета, связанная как с изменением социальных параметров общения (либерализация прежде жестко иерархических отношений коммуникантов, возникновение интернет-общения, усиление игрового начала, расширение значимости фатического общения, появление новых типов речевых жанров и т.д.), так и с влиянием американской культуры коммуникации, которая проявляется, например, в таких формах, как: использование в качестве номинации официального лица двучастной, а не полной (трехчастной) модели (*Борис Ельцин* вместо *Борис Николаевич Ельцин*); обращение к старшим родственникам по имени, без использования соответствующих маркеров (*Валера* вместо *дядя Валера*); обращение к родителям жены или мужа, а также друзьям родителей и старшим по возрасту соседям по имени, а не по имени

и отчеству; обращение к родителям по имени; широкое распространение обращения *Девочки!* среди женщин средних и преклонных лет и многие другие.

(3) Давление просторечия на кодифицированный русский язык также проявляется в судьбе вербализаторов концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'». В качестве частного примера можно привести вытеснение из активного словаря стилистически нейтральной в литературном языке XIX – начала XX в. номинации *старуха* лексемой *старушка* или просторечными синонимами *бабушка*, *бабуля*. Причина ухода на периферию слова *старуха* – одна из характерных особенностей разговорно-просторечной среды, сформировавшаяся еще в «галантерейном» языке мещан 20-х гг. XX в., – обильное, семантически неоправданное использование диминутивных форм в функции гиперкорректных, которые рассматриваются самими носителями просторечия как проявление вежливости.

(4) Попытки возвращения к языку и культурным ценностям дореволюционной России по-разному отразились в трансформациях концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'». С одной стороны, это эпизодические попытки общества освоить дореволюционные этикетные формулы, в частности, обращения *сударь*, *сударыня*, *барышня* и т.п. С другой стороны, ряд устаревших слов не только возвращается из пассивного запаса, но и изменяет лексическое значение. Так, в речи усредненной языковой личности (особенно женщин среднего возраста) слово *дама* не сохраняет понятийное наполнение, присущее ему в XIX в.

Обозначенные трансформации играют важную роль в изменениях не столько языковой, сколько когнитивной картины мира. Контекстуальный анализ употреблений вербализаторов исследуемого концептуального пространства подтверждает мысль о том, что современный русский язык находится в стадии бурного развития и определенная часть происходящих в нем процессов – прямое следствие трансформации стереотипов: в обществе стремительно меняются поведенческие и социальные роли.

С этими социокультурными изменениями, а также с появлением отечественной феминистской критики языка связана и такая особенность, как увеличение некодифицированных номинаций лиц женского пола по профессии, специальности, должности и т.д., производных от существительных мужского рода типа **премьер-министрша*, **референтка*, **доцентка*. Отсутствие в литературном языке подобных номинаций лиц женского пола при наличии номинаций мужского рода рассматривается феминистками как проявление языкового сексизма и требует, по их мнению, устранения в виде создания любыми возможными словообразовательными способами «параллельных» форм – так называемых феминистских неологизмов.

Подобный, следующий исключительно за научной модой, а не реальной потребностью языка, подход привел к появлению специальных словарей и списков слов в грамматических справочниках, рекомендующих к употреблению, например, такие лексемы, как *авиаторша*, *авиатриса*,

адвокатка, академистка, артиллеристка, бандажистка, вертолетчица и т.д. В этот список попадают и такие номинации, как *врачиха, директорша, инженерша, лекторша* и мн. др., то есть те слова, образованные с помощью стилистически сниженных в этом значении суффиксов *-их(а)* и *-ш(а)*, прагматически неоправданное употребление которых маркирует речь необразованного человека.

Причина бума «феминизмов» кроется в контаминации понятий грамматический род и гендер (социокультурный пол): в русском языке, в отличие от некоторых слов немецкого, французского или английского, сами по себе номинации мужского рода типа *кассир* не содержат никаких маркеров их отнесенности к мужскому миру, а упоминание слова в гендерно нейтральном контексте вовсе не свидетельствует о том, что речь идет о кассире мужского пола. Подобного рода лексемы никакого отношения к гендерной стратификации общества не имеют: адвокат может быть и мужчиной и женщиной, однако на современном этапе развития русский язык не нуждается в уточнении гендерной принадлежности представителя данной профессии.

Следовательно, нет необходимости включать большую часть подобных феминистских неологизмов в лексикографические корпуса, так как это создает иллюзию их кодификации, а значит, разрешения к употреблению. Более того, большинство подобных лексем относится к разряду потенциальных слов, которые в отечественной словарной традиции не принято фиксировать.

Отдельный, самостоятельный этап исследования современной языковой картины мира связан с анализом специфики вербализации и концептуализации представлений о мужчинах и женщинах в субстандарте русского языка.

Если интерпретировать жаргонизацию как трансформацию когнитивной сетки языка, набрасываемой на окружающую действительность, то анализ субстандартной лексики позволяет выявить определенную специфику трансформаций гендерных стереотипов, которые приводят к изменениям содержания концептов «мужчина» и «женщина» в сознании носителей определенных субкультур.

Основное давление на современный литературный язык оказывают не столько общеуголовный жаргон или профессиональные аргы, сколько общий жаргон – общий для всех типов субстандарта пласт лексики, не принадлежащий отдельной социальной группе, единицы которого активно используются в языке средств массовой информации и хорошо известны образованным носителями литературного языка.

Для выявления когнитивной специфики и вербальной репрезентации в общем жаргоне концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'» была проведена сплошная выборка его вербализаторов из основных словарей субстандартной лексики. В ходе лексикографического анализа особое внимание было обращено на полисеманты, которые, помимо лексико-семантического варианта с пометами *Жрр.* (жаргонизированная разговорная речь), *Угол.* (из речи уголовников) или *Крим.* (из речи криминальных структур),

имели и иные, в большинстве случаев производные, значения, помеченные *Мол.* (из общемолодежного жаргона).

В результате анализа жаргонных номинаций мужчин и женщин были выделены некоторые особенности вербализации исследуемого концептуального пространства.

1. Дублетность языковых единиц, вербализующих данные концепты, представлена двумя типами: однокоренными синонимами (*бабенка, бабешка, бабанция, бабешница, бабешник, бабина, бабища, бабонька*) и синонимами-дублетами ('девушка': *бабец, бикса, бэби, василиса, ворона, герла, клюшка, кобла, коза, корова, курица, лялька, метелка, мать, морковь, мочалка, овца, промокашка, сестренка, соска, телка, фемина, чувиха* и мн. др. – всего не менее 150 номинаций). Отсутствие в субстандарте необходимости максимально точной номинации приводит к появлению многочисленных синонимических рядов, выбор единиц которых не мотивирован ни стилистически (в субстандарте нет жанрово-стилистической дифференциации), ни семантически (значения лексем полностью дублируют друг друга).

2. Семантическая редукция лексики. Так, каждый элемент синонимического ряда *брат, братан, брателло, брательник, братишка, браток, братуха, братушка, братка* в «блатной фене» имеет конкретное лексическое значение, связанное с реалиями уголовного мира, однако при переходе этих лексем в общий жаргон их значения редуцируются до родового понятия 'мужчина'.

Примером семантической редукции может служить и слово *чувак*, первоначально имевшее в воровском арго значения 'молодой мужчина из законопослушной семьи' и 'жертва преступления' и служившее для важной конспирологической задачи уголовного языка – выражения оппозиции «свой – чужой» как обозначения потенциальной жертвы. В общем жаргоне это слово используется для обозначения любого молодого мужчины.

3. Травестизация жаргонных номинаций как частный случай карнавализации языка. Основная особенность жаргона в деривационном плане заключается скорее не в наличии каких-либо особых признаков, а в специфически снижающем, травестирующем использовании общеязыковых возможностей. Особенно часто в субстандарте обыгрывается идея научности или иностранной маркированности объекта номинации, содержащаяся в ряде книжных аффиксов: *лохнезия* ('некрасивая, неприятная девушка'), *кончитта* ('девушка, не отягощенная интеллектом'), *брателло* ('юноша') и др. Такого рода переосмысления и языковая игра очень часто выражают высшую степень сарказма по отношению к окружающим людям и предметам действительности. Во многих случаях это иронизирование становится оскорбительным и нарушает аксиологические рамки русской языковой картины мира.

4. Активное использование разных способов деонимизации, среди которых встречаются и не характерные для кодифицированного языка: (а) имя лица → гениталии (*абдула, абрамка, василий, яшка* и мн. др. – 'penis',

люся, манька, машка – ‘женские гениталии’); (б) имя лица → животное (*сережка* ‘собака’; *стасик, яшка* ‘таракан’).

Подобные апеллятивизации характеризуют специфические когнитивно-прагматические установки уголовного жаргона, одна из основных функций которого – оскорбление. С этим же связано и использование разнообразных женских имен для обозначения проститутки (*марьяна, наташа* и др.) и гомосексуалистов как маргинализованных членов тюремной иерархии или маргинальных членов свободного общества (*даша, катя, наташа, мария ивановна* и др.).

5. Специфические суффиксы, основная функция которых – создание экспрессивных номинаций, также характерны для субстандарта в целом и для жаргона в частности. В диссертации проанализированы стилистические и семантические характеристики наиболее распространенных в общем жаргоне суффиксов номинаций мужчин (*-ан, -яг(а), -ик, -ач, -ај, -яр(а), -ил(о)/-ил(а)* и мн. др.) и женщин (*-очк(а), -ар(а), -ячк(а), -овк(а), -отк(а), -к(а)* и др.)

6. Повышенная пейоративность – одна из самых ярких черт субстандарта, проявляющаяся в преобладании грубых, экспрессивно окрашенных слов, связанных с отрицательной оценкой действительности, и сопровождающая любые номинации: национальность (*хачик, черномазый*), профессия (*гад, мент, мусор, волчара* – о милиционере), женщина (*баба, чувиха, овца, телка*) и т.д. Этот же принцип агрессивного неприятия окружающего определяет и специфические для жаргона векторы концептуализации представлений о мужчинах и женщинах. Несмотря на то что основная функция жаргона – коммуникативная, нельзя отвергать тот факт, что активное использование/восприятие жаргонизмов приводит к определенным трансформациям когнитивных структур.

Лексикографический анализ жаргонных вербализаторов концептов «мужчина» и «женщина» позволил выделить ряд специфических особенностей концептуализации, присущих жаргону.

1. Высокая степень андроцентризма субстандарта. Генетически жаргон – исключительно мужской язык, и этим определяется низкое место, которое отведено в нем женщине. Повышенной степенью андроцентризма объясняется также и тот факт, что количественно номинации женщин по отношению к номинациям лиц мужского пола преобладают. Однако эта диспропорция носит исключительно количественный характер, так как в качественном отношении ситуация прямо противоположна: разнообразных лексико-семантических групп номинаций мужчин гораздо больше, чем парадигм названий женщин. Огромное количество лексем, обозначающих лиц женского пола, сводится к трем «родовым» значениям: ‘женщина’ (*кукушка, курица, лосиха, метла, морковь* и мн. др.), ‘девушка’ (*бикса, бэби, герла, жаба, кадра, клюшка, кобыла, матрешка, мать, сестручка* и т. д.) и ‘проститутка’ (*барби, даловка, институтка, лоханка, факуха, шмара* и др.). Подобная «классификация» маркирует исключительно мужской взгляд

на женщину: для такого рода концептуализации достаточно определить возраст и способность женщины удовлетворять сексуальные потребности мужчины.

Одновременно список номинаций, репрезентирующих мужской мир, гораздо многообразнее: это и названия различных уголовных «специализаций» (*домушник, мазурик, медвежатник, металлист, форточник* и др.), и обозначения специфических «чинов» в криминальной и тюремной иерархии, которые активно используются в общем жаргоне и просторечии в переносном значении (*мужик, пахан, салага, фраер, чмо, шестерка*), и оскорбительные этнонимы (*абраша, абрек, азер, пиндос, хачик*), и характеристики человека с точки зрения его физических или интеллектуальных способностей (*вася, духарик, лепило, салабон, чукча*) и т.д.

2. Для субстандарта (и для общего жаргона в том числе) характерен нетипичный для русского литературного языка метонимический перенос «человек → гениталии». Несоизмеримо большая часть номинаций, возникающих в результате такого метонимического переноса, относится к «мужской» части описываемого мира (*гусар, джигит, дурак, партизан, чудак* и т.п. в значении 'penis').

3. Специфическая метафоризация – один из самых продуктивных способов пополнения лексики субстандарта, что обусловлено первичной функцией арготизма – «остранением» реальности, необходимостью закодировать действительность понятным только узкому кругу людей способом.

Наиболее распространенные типы метафоризации мужчины в жаргоне:

- зоометафора: иная национальность (*зверь, олень*), место в социальной иерархии (*бобер, волк, петух*), физические данные (*бык*), умственные способности (*бык, кобель*), поведение (*козел, конь, крыса, хорь, шакал*), сексуальная ориентация (*заяц, петух* и др.) и др.;

- орудийная метафора: мужчина как носитель физических (*лом, молоток*) или психологических (*долото*) способностей;

- метафора-профессия: типы уголовной деятельности (*артист* 'опытный мошенник, аферист', *архитектор* 'осужденный, работающий каменщиком', *слесарь* 'вор-взломщик' и мн. др.), личностные свойства (*ботаник* 'отличник, прилежный ученик или студент', *дворник* 'недотепа, растяпа', *пахарь* 'добросовестный работник', *пекарь* 'веселый, остроумный человек'), сексуальная ориентация (*педагог* 'гомосексуалист').

Концептуализация женщины также имеет специфические метафоры:

- гастрономическая метафора: *батон, ватрушка, котлета, селедка, телятина, фрикаделька* и др. ('девушка'), – которая обусловлена высокой степенью андроцентризма и установкой на «присвоение» женщины;

- зоометафора: *бабуин, бройлер, ворона, жаба, клещиха, кобыла, коза* и др. – 'девушка' без каких-либо иных дифференциальных признаков. Метафоризация детерминируется стереотипами мышления: в зоометафоре реализуется гендерный стереотип подчиненности женщины, ее малой утилитарной пользы для мужчины;

- орудийная метафора: *мотыга, прищепка, промокашка, станок, стелька, тёрка* ('девушка'); в большинстве подобных номинаций когнитивным признаком для семантического переноса становятся сексуальные образы;

- игрушка: *кукла, лялька, ляля* ('девушка'), *забава, игрушка* ('сожительница') и др. Подобная метафоризация – отражение сексизма жаргона: женщина воспринимается как средство развлечения.

4. Сложность декодирования жаргонизмов для носителей литературного языка обусловлена также и специфическими векторами концептуализации образов мужчины и женщины в субстандарте.

4.1. Характерные для жаргона векторы концептуализации мужчины:

4.1.1. 'Отнесенность / неотнесенность к уголовному миру' (например, *клоун, лох, олень, рыба vs авторитет, академик, свой, пахан* и т.п.) – фундаментальный вектор концептуализации мужчины в жаргоне, почти не представленный в литературном языке: для жаргона любой мужчина должен быть автоматически отнесен к своим или к чужим;

4.1.2. 'Степень физической выносливости' (*амбал, арнольд, бык vs богодул, доходной, пиндос, чмо* и мн. др.). В андроцентричном мире субстандарта важнейший гендерный стереотип (мужчина – это сильный человек) принимает гипертрофированные размеры: слабый человек рассматривается как неполноценный. Более того, признак 'наделенный большой силой' часто трансформируется в жаргоне в 'связанный с насилием': актуализируется семантический перенос «сильный человек → преступник, промышляющий насилием»;

4.1.3. 'Степень сексуальной выносливости' (*бомбардир, кобелино, мерин* и десятки других) обнаруживает две когнитивные составляющие: во-первых, данный вектор концептуализации часто связывается с игровым началом; во-вторых, в криминализованном мире сексуальная выносливость мужчины зачастую связана с сексуальным насилием над женщиной;

4.1.4. 'Отнесенность к гомосексуалистам' (*адонис, жокей, заяц, кодаш, козлик, опущенный, теплый, чичиряка* и мн. др.). Отчасти этот вектор концептуализации связан с первым вектором – 'отнесенность / неотнесенность к уголовному миру' и восходит к жесткой иерархии тюремной системы.

Маркированность индивида, соотношенная с нарушением определенных конвенций, социальных и поведенческих табу, имеет древние корни. Так, в русской патриархатной картине мира существовало явление, известное как *распетушье* – человек неопределенной гендерной принадлежности, обычно мужского пола, внешний облик и поведение, занятия и образ жизни которого не соответствовали традиционным представлениям о гендерной роли и статусе мужчины. При этом одним из важнейших атрибутов стигматизации распетушья была смена гендерных ролей в хозяйстве. Следовательно, в выделении лиц нетрадиционной сексуальной ориентации в отдельную касту неприкасаемых когнитивной базой служат те же механизмы, что и в фольклорной картине мира для людей с неопределенной гендерной принадлежностью. Это агрессивное

отношение к маргинальным членам социума – очередное свидетельство «примитивности» уголовного сознания, о котором писал еще Д. С. Лихачев.

Для междисциплинарных когнитивных исследований важным представляется тот факт, что данные лингвистического анализа и выделенные векторы концептуализации мужчины в жаргоне в целом совпадают с описанными в гендерных и психологических исследованиях социальными требованиями (так называемыми «нормами твердости»), которые общество предъявляет мужчине, однако в языковом сознании носителя жаргона эти стереотипы, становясь еще более значимыми, еще жестче определяют его «мужское» мировоззрение.

4.2. Специфические векторы концептуализации женщины:

4.2.1. 'Объект сексуальных притязаний'. Многочленные синонимические ряды номинаций, характеризующих женщину сугубо как сексуальный объект, генетически облигаторны для уголовного жаргона, однако в постперестроечное время начинают активно проникать и в общий жаргон, и в молодежный сленг;

4.2.2. 'Проститутка' – это еще один вектор концептуализации женщины и один из наиболее многочисленных синонимических рядов субстандартной лексики: *барби, грелка, даловка, институтка, канава, лоханка, лярва* и мн. др. Генетически большая часть подобных лексем также восходит к уголовному жаргону, в котором они выполняли сугубо номинативную функцию;

4.2.3. 'Отнесенность / неотнесенность к уголовному миру'. Количество лексем, обозначающих преступниц, гораздо меньше, чем мужских номинаций, что детерминировано мужским характером криминальной деятельности.

Итак, жаргонные вербализаторы концептов «мужчина» и «женщина» являются проекцией особого, характерного для субстандарта языкового видения человека. Особую тревогу вызывает тот факт, что некоторые векторы концептуализации, свойственные жаргону, активно структурируют и картину мира носителей молодежного сленга.

Трансформации русской языковой картины мира последних десятилетий могут иметь и иные, нежели вульгаризация или американизация, истоки. Так, 1990-е – 2000-е в современных культурологических и гендерных исследованиях традиционно определяются как эпоха «кризиса маскулинности»: изменяющийся мир требует новых форм реализации мужского поведения.

К разряду подобных новаций относятся, с одной стороны, новые «вымышленные» формы мужского поведения, представленные такими словами-однодневками, как *метросексуал, ретросексуал, хаммерсексуал, уберсексуал, оберсексуал* и т.д., активно создаваемыми средствами массовой информации; с другой стороны, занимающий особую нишу в русской языковой картине мира маскулинный тип *мачо*.

Такой тип маскулинности, как *мачо*, весьма удобен для лингвистического анализа природы субконцепта: новизна и репрезентация «мачо» только одним вербализатором позволяют методически точно охарактеризовать сущность данного концепта, восходящего к испанскому лингвокультурному типу. Исходя из анализа словоупотреблений *мачо*, по данным Национального

корпуса русского языка и Рунета, можно вывести следующие типологические черты, или когнитивные характеристики, данного концепта, образуемые единством ценностной, образной и понятийной сторон.

Понятийная составляющая: мужчина, проявляющий качества, обычно приписываемые самцам животных: агрессивность, грубость, повышенная сексуальность, физическая сила, напористость, упорство.

В ходе исследования контекстов употребления слова *мачо* в текстах различной стилевой принадлежности был получен список качеств, особенно часто характеризующих данный тип маскулинного поведения: *агрессивный, активный, безэмоциональный, brutальный, властный, грубый, дерзкий, доминирующий, жестокий, жестокосердный, крепкий, мужественный, мускулистый, неотесанный, неэмоциональный, самоуверенный, сильный, склонный к риску, суровый, уверенный, храбрый, целеустремленный, эгоцентричный, энергичный.*

Образная составляющая концепта «мачо» в русской языковой картине мира выражена прежде всего двумя вербализаторами – *латиноамериканец* (и жаргонное *латинос*) и прецедентное имя голливудского актера Антонио Бандераса, часто используемое в форме апеллиатива *бандерасы*.

Понятийный и образный компоненты создают фундамент для *ценностного* плана «мачо» как особого типа мужского поведения, характеризующегося выраженной brutальностью, сильным зарядом примитивной сексуальности, доминированием «самцовости» в мировоззренческих установках личности.

Представляется, что в эпоху смены социальных, культурных и мировоззренческих представлений концепт «мачо» в русской языковой картине мира выполнил замещающую функцию, устранив лауну, связанную с несовпадением традиционных, свойственных русской патриархатной картине мира представлений о мужчине и реального, трансформированного современным обществом и культурой образа русского мужчины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении представлены результаты проведенного исследования и определены дальнейшие перспективы изучения гендерной составляющей русской языковой картины мира.

Концептуальная картина мира каждого языка и каждого конкретного человека – это подвижная и постоянно меняющаяся система, способствующая адаптации языковой личности к окружающему миру и рецепции ею национально-культурной специфики мировидения. Вместе с тем языковая картина мира меняется гораздо медленнее, чем концептуальная, и это приводит к образованию своего рода зазора, который особенно хорошо обнаруживается при сопоставлении элементов прототипического мира, хранящегося в сознании

человека, с реконструируемыми исследователями фрагментами концептосферы конкретного языка.

Языковая картина мира, будучи во многом производной от когнитивной, также имеет ярко выраженный динамический характер существования, который определяется как сложным комплексом социокультурных факторов развития общества, так и имманентными законами развития языка. Однако взаимодействие когнитивной и языковой картин мира сложнее, чем просто производность: не только изменения в понимании мира приводят к изменениям в языке, но и трансформации языка приводят к трансформациям представлений о мире. Проиллюстрировать это амбивалентное взаимовлияние помогает анализ вербализаторов таких базовых концептов, как «мужчина» и «женщина».

Среди всего разнообразия когнитивных единиц можно выделить специфический тип – концептуальное пространство как совокупность двух симметрично структурированных самостоятельных концептов, находящихся друг с другом в контрадикторной оппозиции, но вместе с тем через комплементарные отношения образующие в сознании носителя языка (и в концептосфере) определенную целостность. Введение данного понятия позволяет по-новому взглянуть на особую когнитивную природу некоторых «квантов знаний» и на осложненные антонимические, предопределенные особым устройством фрагментов действительности, отношения в языке.

Концептуализация, понимаемая как сложный двусторонний процесс, (структурирование знаний и усложнение ментального мира человека) во многом определяется спецификой самих концептуализируемых объектов. Важную роль для концептуализации социально значимых понятий и представлений играют такие когнитивные единицы, как гетерогенные и гетерофункциональные стереотипы. При этом основное, фундаментальное значение в концептуализации представлений о мужчине и женщине в языковой картине мира имеют именно гендерные стереотипы, которые могут быть как вербализованы, так и не вербализованы.

Несмотря на принципиальное сходство концептуализации представлений о мужчине и женщине в разных картинах мира (доказательством чего служат многочисленные универсальные гендерные стереотипы и асимметрии), языковое сознание русского человека концептуализирует идеи маскулинности и феминности в образе мужчины и женщины особым, специфическим образом.

История языка – это история развития общества, представляющая в разнообразных формах языкового выражения развитие его научных, философско-религиозных, политических и других идей. Более того, в разные эпохи и под влиянием разных социокультурных факторов элементы того или иного фрагмента концептосферы претерпевают соответствующие изменения, которые неминуемо сказываются на судьбе их вербализаторов.

**Основные положения диссертации изложены
в следующих публикациях:**

Монография:

1. *Ефремов В. А.* «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 184 с. (11,5 п.л.).

*Научные статьи, опубликованные в ведущих периодических изданиях,
рекомендованных ВАК РФ:*

2. *Ефремов В. А.* О гендерной асимметрии в наименовании лиц женского пола // *Русский язык в школе.* 2009. № 1. С. 72–82 (0,7 п.л.).

3. *Ефремов В. А.* Номинации мужчины в русском языке: от мужа к мужику // *Мир русского слова.* 2009. № 1. С. 38–43 (0,5 п.л.).

4. *Ефремов В. А.* Гендерные стереотипы и концептуализация представлений о мужчине и женщине в языковом сознании ребенка // *Сибирский филологический журнал.* 2009. № 1. С. 191–199 (0,7 п.л.).

5. *Ефремов В. А.* От мачо к метросексуалу и далее // *Русская речь.* 2009. № 4. С. 55–59 (0,4 п.л.).

6. *Ефремов В. А.* Номинации молодого человека в истории русского языка XIX–XXI вв.: юноша – детина – парень – хлопец – парубок – пацан // *Русская словесность.* 2009. № 6. С. 67–72 (0,6 п.л.).

7. *Ефремов В. А.* Теория концепта и концептуальное пространство // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.* 2009. № 104. С. 96–106 (0,8 п.л.).

8. *Ефремов В. А.* Речевой этикет: обращения в современной речи // *Русская речь.* 2009. № 6. С. 53–59 (0,5 п.л.).

9. *Ефремов В. А.* Номинации женщины в русском языке: жена – женщина – баба – дама // *Мир русского слова.* 2010. № 1. С. 19–25 (0,5 п.л.).

Учебники и учебно-методические пособия:

10. *Ефремов В. А.* Основы гендерной лингвистики: Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 118 с. (7,5 п.л.).

11. *Ефремов В. А.* Основы технологий гендерного анализа // *Технологии извлечения, обработки и анализа информации: Уч.-метод. комплекс / Под ред. Л. Н. Беляевой.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 201–207 (0,3 п.л.).

12. *Ефремов В. А.* Гендерная составляющая речевой конфликтологии // *Речевая конфликтология: Уч. пособие / Отв. ред. М. Я. Дымарский.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 139–150 (0,8 п.л.).

13. *Ефремов В. А.* Субстандартная лексика и культура речи // *Русский язык и культура речи: Учебник для вузов / Под ред. В. Д. Черняк.* М.: Высшая школа, 2006. С. 102–115. (0,8 п.л.).

14. *Ефремов В. А., Дунев А. И., Сергеева Е. В. и др.* Русская речевая культура. Учебный словарь-справочник / Под общ. ред. В. Д. Черняк. СПб.: САГА, Азбука-классика, 2006. 224 с. (14 п.л. / 4 п.л.).

15. *Ефремов В. А., Дунев А. И., Сергеева Е. В. и др.* Русский язык и культура речи: Учебник / Под ред. В. Д. Черняк. СПб., М.: САГА – Форум, 2004. 368 с. (23 п.л. / 6 п.л.).

Научные статьи и материалы докладов:

16. *Ефремов В. А.* Речевая сфера женщины-персонажа в художественном мире И.Бунина (на материале цикла "Темные аллеи") // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Мат. Междунар. науч.-метод. конф. (Санкт-Петербург, 26-28 февраля 2001 г.) / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб.: Союз, 2001. С. 233–239 (0,4 п.л.).

17. *Ефремов В. А., Дунев А. И.* Гендерные особенности речевого поведения персонажа-мужчины в произведениях И. А. Бунина // Гендерный конфликт и его репрезентация в культуре: Мужчина глазами женщины. Мат. конф. «Толерантность в условиях многоукладности российской культуры» 29-30 мая 2001 г. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. С. 223–227 (0,2 п.л. / 0,1 п.л.).

18. *Ефремов В. А.* Мужское vs. мужское в поэме В. Ерофеева «Москва – Петушки» // Гендер: язык, культура, коммуникация. Мат. докл. II Междунар. конф. М.: Изд-во МГЛУ, 2001. С. 48–49 (0,1 п.л.).

19. *Ефремов В. А.* Сатр по-русски, или о некоторых особенностях идиостиля Виктора Ерофеева (на материале сборника «Мужчины») // Слово. Семантика. Текст: Сб. науч. тр., посвящ. юб. проф. В. В. Степановой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. С. 173–178 (0,3 п.л.).

20. *Ефремов В.А.* Гендерная составляющая речевого поведения преподавателя // Гендерные отношения и гендерная политика в вузе / Под ред. Е. Г. Трубиной, М. А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. С. 207–221 (0,8 п.л.).

21. *Ефремов В. А.* Гендерный аспект конфликтного речевого поведения персонажей поэмы В. Ерофеева «Москва – Петушки» // Слово. Словарь. Словесность: Мат. науч. конф., посвящ. 80-летию проф. С. Г. Ильенко. СПб.: САГА, 2004. С. 175–179 (0,3 п.л.).

22. *Ефремов В. А.* Гендерный конфликт и гендерные стереотипы в современной телевизионной рекламе // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А. С. Шишкова): Мат. Всерос. конф. СПб.: САГА, 2005. С. 63–65 (0,1 п.л.).

23. *Ефремов В. А., Дунев А. И.* Гендерная матрёшка Бунина (попытка разрешения конфликта 'мужское' – 'женское') // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8 / Отв. ред. М. П. Котюрова. Пермь: Изд-во ПГУ, 2005. С. 288–297 (0,5 п.л. / 0,25 п.л.).

24. *Ефремов В. А.* О лингвистическом аспекте изучения маскулинности // Русская языковая ситуация в синхронии и диахронии: Сб. науч. ст., посв. проф. В. Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. С. 145–148 (0,3 п.л.).
25. *Ефремов В. А.* Толковый словарь и гендерные стереотипы // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А. Х. Востокова): Мат. Всерос. науч. конф. / Отв. ред. В. А. Козырев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. С. 81–84 (0,3 п.л.).
26. *Ефремов В. А.* Гендерная компетенция и речевое поведение современника: сфера публичного общения // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Ш. Уалиханова. 2006. № 3. С. 68–72 (0,5 п.л.).
27. *Ефремов В. А.* Специфика освоения концепта 'мачо' русской языковой картиной мира // Русское слово и русский текст: история и современность: Сб. науч. ст., посв. проф. В. А. Козыреву. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. С. 161–166 (0,3 п.л.).
28. *Ефремов В. А.* О специфике преподавания дисциплины «Основы гендерной лингвистики» (в свете Болонской концепции образования) // Инновационные образовательные технологии (Минск). 2007. № 4. С. 41–46 (0,5 п.л.).
29. *Ефремов В. А.* Специфика трансформаций современного русского языка // Академический вестник. Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбАППО, 2008. С. 57–63 (0,6 п.л.).
30. *Ефремов В. А.* Вербализация концепта «мужчина» в русской языковой картине мира начала XXI века // Мат. XV Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: МАКС Пресс, 2008. С. 82–83 (0,1 п.л.).
31. *Ефремов В. А.* Этнолингвистическая специфика концептуального пространства «'мужчина' – 'женщина'» в русском языке // Теория и практика преподавания русского как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: Мат. II Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 15-16 мая 2008. Минск: Изд-во БГУ, 2008. С. 155–157 (0,1 п.л.).
32. *Ефремов В. А.* Гендерные стереотипы русской лексикографии: константы и трансформации // Комментарий и интерпретация текста. Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. С. 121–131 (0,5 п.л.).
33. *Ефремов В. А.* Концептуализация понятия «мужчина» в жаргонной языковой картине мира // Русский язык в современной науке и гуманитарные технологии в образовании: Мат. науч.-практ. конф. (Герценовские чтения 2008). СПб.: САГА, 2008. С. 96–97 (0,1 п.л.).
34. *Ефремов В. А.* Концепты «мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира: этнолингвистическая специфика // Актуальные проблемы организации учебного процесса и обучения иностранных граждан в высших учебных заведениях: сб. науч. ст. / Отв. ред. С. И. Лебединский. Минск: Изд-во БГУ, 2008. С. 116–122 (0,4 п.л.).

35. *Ефремов В.А.* О специфике трансформаций русского языка // Современные подходы в преподавании русского языка и литературы в школе / Доклады Междунар. науч.-практ. конф. 1-5 декабря 2008. СПб.: Изд-во СПбАПО, 2008. С. 7–12 (0,6 п.л.).
36. *Ефремов В. А.* Концептуальное пространство как фрагмент языковой картины мира // Языковая картина мира. Лексика. Текст: Сб. науч. ст., посв. юб. проф. Н. Е. Сулименко. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. С. 9–12 (0,3 п.л.).
37. *Ефремов В. А.* Номинации мужчины и женщины в истории русского языка: лингвокультурологический аспект // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения и перспективы развития. Мат. III Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 25-26 июня 2009 г. Минск: Изд-во БГУ, 2009. С. 139–142 (0,2 п.л.).
38. *Ефремов В. А.* Гендерные стереотипы как элемент концептуализации // Слово. Словарь. Словесность (к 225-летию основания Российской Академии): Мат. Всерос. науч. конф. / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб.: САГА, 2009. С. 207–209 (0,2 п.л.).
39. *Ефремов В. А.* Речь людей различных социальных групп: нормативный и лингвокультурологический аспекты // IV Всероссийский фестиваль «Русское слово»: Сб. докладов. Орел, СПб., 2009. С. 65-76 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rslovo.ru/IMG/file/4ftrrs-content.pdf> (0,6 п.л.).
40. *Ефремов В. А.* Концепт, внутренняя форма, гендерные стереотипы // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Мат. IV Междунар. науч. конф., Минск, 3-5 дек. 2009 г.: В 2 ч. Минск: Изд-во МГЛУ, 2009. Ч. 1. С. 49–51 (0,1 п.л.).
41. *Ефремов В. А.* Ассоциативное поле "мужчина" и гендерные стереотипы // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: Мат. Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 11-13 ноября 2009 г. / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб.: САГА, 2010. С. 247–249 (0,1 п.л.).
42. *Ефремов В. А.* Гендер и вербальное поведение учителя // Образование XXI века: модель новой школы. Вып. 5 / Отв. ред. А. И. Дунев. СПб.: САГА, 2010. С. 40–48 (0,3 п.л.).
43. *Ефремов В. А.* Трансформации вербализаторов концептов «мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 249–250 (0,1 п.л.).
44. *Ефремов В. А.* Социолингвистические трансформации русского языка: концептуальное пространство «'мужчина' – 'женщина'» // Studia Slavica IX: Сб. науч. тр. молодых филологов. Таллин, 2010. С. 281–290 (0,6 п.л.).